

Солнечный Ударъ

Послѣ обѣда вышли изъ ярко и горячо освѣщенной столовой на палубу и остановились у поручней. Она закрыла глаза, ладонью наружу приложила руку къ щекамъ, засмѣялась простымъ, прелестнымъ смѣхомъ, — все было прелестно въ этой маленькой женщинѣ, — и сказала:

— Я совсѣмъ пьяна . . . Вообще я совсѣмъ съ ума сошла. Откуда вы взялись? Три часа тому назадъ я даже не подозрѣвала о вашемъ существованіи. Я даже не знаю, гдѣ вы сѣли. Въ Самарѣ? Но все равно, вы милый: Это у меня голова кружится или мы куда-то поворачиваемъ?

Впереди была темнота и огни. Изъ темноты билъ въ лицо сильный мягкій вѣтеръ, а огни неслись куда-то въ стору: пароходъ съ волжскимъ щегольствомъ круто описывалъ широкую дугу, подбѣгая къ небольшой пристани.

Поручикъ взялъ ея руку, поднесъ къ губамъ. Рука, маленькая и сильная, пахла загаромъ. И блаженно и страшно замерло сердце при мысли, какъ, вѣроятно, крѣпка и смугла она вся подъ этимъ легкимъ холстинковымъ платьемъ послѣ цѣлаго мѣсяца лежанья подъ южнымъ солнцемъ, на горячемъ морскомъ пескѣ (она сказала, что ѣдетъ изъ Анапы). Поручикъ пробормоталъ:

— Сойдемъ . . .

— Куда? — спросила она удивленно.

— На этой пристани.

— Зачѣмъ?

Онъ промолчалъ. Она опять приложила тыль руки къ горячей щекамъ.

— Сумасшедшій . . .

— Сойдемъ, — повторилъ онъ тупо. — Умоляю васъ...

— Ахъ, да дѣлайте какъ хотите, — сказала она, отворачиваясь.

Разбѣжавшійся пароходъ съ мягкимъ стукомъ ударился въ тускло освѣщенную пристань, и они чуть не упали другъ на друга. Надъ головами пролетѣлъ конецъ каната, потомъ понесло назадъ и съ шумомъ закипѣла вода, загремѣли сходни . . . Поручикъ кинулся за вещами.

Черезъ минуту они прошли сонную конторку, вышли на глубокой, по ступицу, песокъ и молча сѣли въ запыленную извозничью пролетку. Отлогій подъемъ въ гору, среди рѣдкихъ кривыхъ фонарей, по мягкой отъ пыли дороге, показался безконечнымъ. Но вотъ поднялись, выѣхали и затрещали по мостовой, вотъ какая-то площадь, присутственные мѣста, каланча, тепло и запахи ночного лѣтняго уѣзднаго города . . . Извозчикъ остановился возлѣ освѣщеннаго подъѣзда, за раскрытыми дверями котораго круто поднималась старая деревянная лѣстница, старый небритый лакей въ розовой косовороткѣ и въ сюртукѣ недовольно взялъ вещи и пошелъ на своихъ растоптанныхъ ногахъ впередъ. Вошли въ большой, но страшно душный, горячо накаленный за день солнцемъ номеръ съ бѣлыми опущенными занавѣсками на окнахъ и двумя необожженными свѣчами на подзеркальникѣ, — и какъ только вошли и лакей затворилъ дверь, поручикъ такъ порывисто кинулся къ ней и оба такъ изступленно задохнулись въ поцѣлуѣ, что много лѣтъ вспоминали потомъ эту минуту: никогда ничего подобнаго не испыталь за всю жизнь ни тотъ, ни другой.

Въ десять часовъ утра, солнечнаго, жаркаго, счастливаго, со звономъ церковей, съ базаромъ на площади передъ гостиницей, съ запахами сѣна, дегтя и опять всего того сложнаго и пахучаго, чѣмъ пахнетъ русскій уѣздный городъ, она, эта маленькая безъимянная женщина, такъ и не сказавшая своего имени, шутя называвшая себя прекрасной незнакомкой, уѣхала. Спали мало, но, когда она вышла изъ-за ширмы возлѣ кровати, въ пять минутъ умыв-

шись и одѣвшись, она была свѣжа, какъ въ семнадцать лѣтъ. Смушена-ли была она? Нѣтъ, очень немного. По прежнему была проста, весела и — уже разсудительна.

— Нѣтъ, нѣтъ, милый, — сказала она въ отвѣтъ на его просьбу ѣхать дальше вмѣстѣ: — нѣтъ, вы должны остаться до слѣдующаго парохода. Если поѣдемъ вмѣстѣ, все будетъ испорчено. Мнѣ это будетъ очень непріятно. Даю вамъ честное слово, что я совсѣмъ не то, что вы могли обо мнѣ подумать. Никогда ничего даже похожаго на то, что случилось, со мной не было да и не будетъ больше. На меня точно затменіе нашло . . . Или, вѣрнѣе, мы оба получили что-то вродѣ солнечнаго удара . . .

И поручикъ какъ-то легко согласился съ нею. Въ легкомъ и счастливомъ духѣ онъ довезъ ее до пристани, — какъ разъ къ отходу розоваго Самолета, — при всѣхъ поцѣловаль на палубѣ и едва успѣлъ вскочить на сходни, которыя уже двинули назадъ.

Такъ-же легко, беззаботно и возвратился онъ въ гостилицу. Однако что-то ужъ измѣнилось. Номеръ безъ нея показался какимъ-то совсѣмъ другимъ, чѣмъ былъ при ней. Онъ былъ еще полонъ ею — и пусть. Это было странно! Еще пахло ея хорошимъ англійскимъ одеколономъ, еще стояла на подносіи ея недопитая чашка, а ея уже не было. . . И сердце поручика вдругъ сжалось такой нѣжностью, что поручикъ поспѣшилъ закурить и, хлопая себя по голенищамъ стѣкомъ, нѣсколько разъ прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Странное приключеніе! — сказалъ онъ вслухъ, смѣясь и чувствуя, что на глаза его навертываются слезы. — «Даю вамъ честное слово, что я совсѣмъ не то, что вы могли подумать . . .» И уже уѣхала . . . Нелѣпая женщина!

Ширма была отодвинута, постель еще не убрана. И онъ почувствовалъ, что просто нѣтъ силъ смотрѣть теперь на эту постель. Онъ закрылъ ее ширмой, затворилъ окна, чтобы не слышать базарнаго говора и скрипа колесъ,

опустилъ бѣлыя пузырившіяся занавѣски, сѣлъ на диванъ... Да, вотъ и конецъ этому «дорожному приключенію»! Уѣхала — и теперь уже далеко, сидитъ, вѣроятно, въ стеклянномъ бѣломъ салонѣ или на палубѣ и смотритъ на огромную, блестящую подъ солнцемъ рѣку, на встрѣчные плоты, на желтыя отмели, на сіяющую даль воды и неба, на весь этотъ безмѣрный волжскій просторъ... И прости, и уже навсегда, навѣки... Потому что гдѣ-же они теперь могутъ встрѣтиться?—«Не могу-же я, подумалъ онъ, не могу же я ни съ того, ни съ сего пріѣхать въ этотъ городъ, гдѣ ея мужъ, ея трехлѣтняя дѣвочка, вообще вся ея семья и вся ея обычная жизнь!»—И городъ этотъ показался ему какимъ-то особеннымъ, заповѣднымъ городомъ, и мысль о томъ, что она такъ и будетъ жить въ немъ своей одинокой жизнью, часто, можетъ быть, вспоминая его, вспоминая ихъ случайную, такую мимолетную встрѣчу, а онъ уже никогда больше не увидитъ ея, мысль эта изумила и поразила его. Нѣтъ, этого не можетъ быть! Это было бы слишкомъ дико, неестественно, неправдоподобно! — И онъ почувствовалъ такую боль и такую ненужность всей своей дальнѣйшей жизни безъ нея, что его охватилъ ужасъ, отчаяніе.

— Что за чортъ! — подумалъ онъ, вставая, олять принимаясь ходить по комнатѣ и стараясь не смотрѣть на постель за ширмой. — Да что-же это такое со мной? Кажется, не въ первый разъ — и вотъ... Да что въ ней особеннаго и что собственно случилось? Въ самомъ дѣлѣ, точно какой-то солнечный ударъ! И главное, какъ же я проведу теперь, безъ нея, цѣлый день въ этомъ захолустьи?

Онъ еще помнилъ ее всю, со всѣми малѣйшими ея особенностями, помнилъ запахъ ея загара и холстинковаго платья, ея крѣпкое тѣло, живой, простой и веселый звукъ ея голоса... Чувство только что испытанныхъ наслажденій всей ея женской прелестью было еще живо въ немъ необыкновенно, но теперь главнымъ было все — таки это второе, совсѣмъ новое чувство — то странное, непонятое

чувство, котораго совѣмъ не было, пока они были вмѣстѣ, котораго онъ даже предположить въ себѣ не могъ, затѣвая вчера это, какъ онъ думалъ, только забавное знакомство, и о которомъ уже не кому, не кому было сказать теперь! — «А главное, подумалъ онъ, вѣдь и никогда уже не скажешь! И что дѣлать, какъ прожить этотъ безконечный день, съ этими воспоминаніями, съ этой неразрѣшимой мукой, въ этомъ Богомъ забытомъ городишкѣ надъ той самой сіяющей Волгой, по которой унесъ ее этотъ розовый пароходъ!»

Нужно было спастись, чѣмъ-нибудь занять, отвлечь себя, куда-нибудь итти. Онъ рѣшительно надѣлъ картузъ, взялъ стѣкъ, быстро прошелъ, звеня шпорами, по пустому корридору, сбѣжалъ по крутой лѣстницѣ на подъѣздъ . . . Да, но куда итти? У подъѣзда стоялъ извозчикъ, молодой, въ ловкой поддевкѣ, и спокойно курилъ сигарку, очевидно дожидаясь кого-то. Поручикъ взглянулъ на него растерянно и съ изумленіемъ: какъ это можно такъ спокойно сидѣть на козлахъ, курить и вообще быть простымъ, безпечнымъ, равнодушнымъ? — «Вѣроятно, только я одинъ такъ страшно несчастенъ во всемъ этомъ городѣ», подумалъ онъ, направляясь къ базару.

Базаръ уже разбѣжался. Онъ зачѣмъ-то походилъ по свѣжему навозу среди телѣгъ, среди возовъ съ огурцами, среди новыхъ мисокъ и горшковъ, и бабы, сидѣвшія на землѣ, наперебой зазывали его, брали горшки въ руки и стучали, звенѣли въ нихъ пальцами, показывая ихъ добротность, мужики оглушали его, кричали ему: — «Вотъ первый сортъ огурчики, ваше благородіе!» — Все это было такъ глупо, нелѣпо, что онъ бѣжалъ съ базара. Онъ зашелъ въ соборъ, гдѣ пѣли уже громко, весело и рѣшительно, съ сознаниемъ исполненнаго долга, потому долго шагаль, кружилъ по маленькому, жаркому и запущенному садику на обрывѣ горы, надъ неоглядной свѣтло-стальной ширью рѣки . . . Погоны и пуговицы его кителя такъ нажгло, что къ нимъ нельзя было прикоснуться. Око-

лишь картуза быть внутри мокрый отъ пота, лицо пылало . . . Возвратясь въ гостиницу, онъ съ наслаждениемъ вошелъ въ большую и пустую прохладную столовую въ нижнемъ этажѣ, съ наслаждениемъ снялъ картузъ и сѣлъ за столикъ возлѣ открытаго окна, въ которое несло жаромъ, но все-таки вѣяло воздухомъ, и заказалъ ботвинью со льдомъ. Все было хорошо, во всемъ было безмѣрное счастье, великая радость, даже въ этомъ зноѣ и во всѣхъ базарныхъ запахахъ, во всемъ этомъ незнакомомъ городишкѣ и въ этой старой уѣздной гостиницѣ была она, эта радость, а вмѣстѣ съ тѣмъ сердце просто разрывалось на части. Онъ выпилъ нѣсколько рюмокъ водки, закусывая малосольными огурцами съ укропомъ и чувствуя, что онъ, не задумываясь, умеръ бы завтра, если бы можно было какимъ-нибудь чудомъ вернуть ее, провести съ ней еще хоть одинъ, нынѣшній день, — провести только затѣмъ, только затѣмъ, чтобы высказать ей и чѣмъ нибудь доказать, убѣдить, какъ онъ мучительно и восторженно любить ее . . . Зачѣмъ доказать? Зачѣмъ убѣдить? Онъ не зналъ, зачѣмъ, но это было необходимѣе жизни.

— Совсѣмъ разгулялись нервы! — сказалъ онъ, наливая пятую рюмку водки.

Онъ выпилъ цѣлый графинчикъ, надѣясь одурманить, ошеломить себя, надѣясь, что наконецъ разрѣшится это мучительное и восторженное состояніе. Но нѣтъ, оно все усиливалось.

Онъ отодвинулъ отъ себя ботвинью, спросилъ чернаго кофе и сталъ курить и напряженно думать: что-же теперь дѣлать ему, какъ избавиться отъ этой внезапной, несожиданной любви? Но избавиться—онъ это чувствовалъ слишкомъ живо— было невозможно. И онъ вдругъ опять быстро всталъ, взялъ картузъ и стѣкъ и, спросивъ, гдѣ почта, торопливо пошелъ туда съ уже готовой въ головѣ фразой телеграммы: — «Отнынѣ вся моя жизнь навѣки, до гроба ваша, въ вашей власти». — Но дойдя до стараго толстостѣннаго дома, гдѣ была почта и телеграфъ, въ ужасѣ

остановился: онъ зналъ городъ, гдѣ она живетъ, зналъ, что у нея есть мужъ и трехлѣтняя дочка, но не зналъ ни фамилии, ни имени ея! Онъ нѣсколько разъ спрашивалъ ее объ этомъ вчера за обѣдомъ и въ гостиницѣ и каждый разъ она смѣялась и говорила:

— А зачѣмъ вамъ нужно знать, кто я? Я Марья Маревна, заморская царица... Вообще, прекрасная незнакомка... Развѣ недостаточно съ васъ этого?

На углу, возлѣ почты, была фотографическая витрина. Онъ долго смотрѣлъ на большой портретъ какого-то военнаго въ густыхъ эполетахъ, съ выпуклыми глазами, съ низкимъ лбомъ, съ поразительно великолѣпными бакенбардами и широчайшей грудью, сплошь украшенной орденами... Какъ дико, нелѣпо, страшно все будничное, обычное, когда сердце поражено, — да, поражено, онъ теперь понималъ это, — этимъ страшнымъ «солнечнымъ ударомъ», слишкомъ большой любовью, слишкомъ большимъ счастьемъ! Онъ взглянулъ на чету новобрачныхъ, — молодой человекъ въ длинномъ сюртукѣ и бѣломъ галстукѣ, стриженный ежикомъ, вытянувшійся во фронтъ подъ руку съ дѣвицей въ подвѣчномъ газѣ, — перевелъ глаза на портретъ какой-то хорошенькой и задорной барышни въ студенческомъ картузѣ на бекрень... Потомъ, томясь мучительной завистью ко всѣмъ этимъ неизвѣстнымъ ему, не страдающимъ людямъ, сталъ напряженно смотрѣть вдоль улицы.

— Куда итти? Что дѣлать? — стоялъ въ его головѣ и въ душѣ неразрѣшимый, тяжкій вопросъ.

Улица была совершенно пуста. Дома были все одинаковые, бѣлые, двухэтажные, купеческіе, съ большими садами, и казалось, что въ нихъ нѣтъ ни души; бѣлая густая пыль лежала на мостовой; и все это слѣпало, все было залито жаркимъ, пламеннымъ и радостнымъ, но здѣсь какъ будто безцѣльнымъ солнцемъ. Вдали улица поднималась, горбилась и упиралась въ чистый, безоблачный сѣроватый, съ сиреневымъ отблескомъ небосклонъ. Въ этомъ было

что-то южное, напоминающее Севастополь, Керчь . . . Анапу. Это было особенно нестерпимо. И поручикъ, съ опущенной головой, щурясь отъ свѣта, сосредоточенно глядя себѣ подъ ноги, шатаясь, спотыкаясь, цѣпляясь шпорой за шпору, зашагалъ назадъ.

Онъ вернулся въ гостиницу, настолько разбитый усталостью, точно совершилъ огромный переходъ гдѣ-нибудь въ Туркестанѣ, въ Сахарѣ. Онъ, собирая послѣднія силы, вошелъ въ свой большой и пустой номеръ. Номеръ былъ уже прибранъ, лишень послѣднихъ слѣдовъ ея, — только одна шпилька, забытая ею, лежала на ночномъ столикѣ! Онъ снялъ китель и взглянулъ на себя въ зеркало: лицо его, — обычное офицерское лицо, сѣрое отъ загара, съ бѣлесыми, выгорѣвшими отъ солнца усами и голубоватой бѣлизной глазъ, отъ загара казавшихся еще бѣлѣе, — имѣло теперь возбужденное, сумасшедшее выраженіе, а въ бѣлой тонкой рубашкѣ со стоячимъ крахмальнымъ воротничкомъ было что-то очень юное и глубоко несчастное. Онъ легъ на кровать, на спину, положилъ запыленные сапоги на отвалъ. Окна были открыты, занавѣски опущены, и легкій вѣтерокъ отъ времени до времени надувалъ ихъ, вѣялъ въ комнату зноемъ и запахомъ нагрѣтыхъ крышъ и всего этого свѣтоноснаго и совершенно теперь опустѣвшаго, безмолвнаго и безлюднаго волжскаго міра. Онъ лежалъ, подложивъ руки подъ затылокъ, и пристально глядѣлъ въ пространство передъ собой. Въ головѣ стояла смутная картина далекаго юга, солнца, моря, Анапы, рисовалось что-то сказочное, — тотъ какъ будто ни на какой другой не похожій городъ, куда она, вѣроятно, теперь уже пріѣхала, — и зрѣла упорная мысль о самоубійствѣ. Онъ закрылъ вѣки, чувствуя, какъ по щекамъ катятся изъ подъ нихъ острыя, горячія слезы, — и наконецъ заснулъ, а когда снова открылъ глаза, за занавѣсками уже красновато желтѣло вечернее солнце. Вѣтеръ стихъ, въ номерѣ было душно и сухо, какъ въ духовой печи . . . И вчерашній день и

нынѣшнее утро вспомнились такъ, точно они были десять лѣтъ тому назадъ.

Онъ не слѣдша всталъ, не слѣдша умылся, поднялъ занавѣски, позвонилъ и спросилъ самоваръ и счетъ, долго пилъ чай съ лимономъ. Потомъ приказалъ привести извозчика, вынести вещи и, садясь въ пролетку, на ея рыжее, выгорѣвшее сидѣнье, далъ лакею цѣлыхъ пять рублей.

— А похоже, ваше благородіе, что это я и привезъ васъ ночью! — весело сказалъ извозчикъ, берясь за вожжи.

Когда спускались къ пристани, уже синѣла надъ Волгой синяя лѣтняя ночь и уже много разноцвѣтныхъ огоньковъ было разсѣяно по рѣкѣ и огни висѣли на мачтахъ подбѣгающаго парохода.

— Въ аккуратъ доставилъ! — сказалъ извозчикъ заискивающе.

Поручикъ и ему далъ пять рублей, взявъ билетъ, пошелъ на пристань... Такъ же, какъ вчера, былъ мягкій стукъ въ ея причалъ и легкое головокруженіе отъ зыбкости подъ ногами, потомъ летящій конецъ, шумъ закилѣвшей и побѣжавшей впередъ воды подъ колесами нѣсколько назадъ подавашагося парохода... И необыкновенно привѣтливо, хорошо показалось отъ многолюдства парохода, уже вездѣ освѣщеннаго и пахнущаго кухней.

Черезъ минуту побѣжали дальше, вверхъ, туда-же, куда унесло и ее давеча утромъ.

Темная лѣтняя заря потухала далеко впереди, сумрачно, сонно и разноцвѣтно отражаясь въ рѣкѣ, еще кое-гдѣ свѣтившейся дрожащей рябью вдали подъ ней, подъ этой зарей, и плыли и плыли назадъ огни, разсѣянные въ темнотѣ вокругъ парохода.

Поручикъ сидѣлъ подъ навѣсомъ на палубѣ, чувствуя себя постарѣвшимъ на десять лѣтъ.

Ив. Бунинъ.